

РЕЦЕНЗИИ

THE PESHITTA: ITS USE IN LITERATURE AND LITURGY: PAPERS READ AT THE THIRD PESHITTA SYMPOSIUM / Ed. by *Bas Ter Haar Romeny*. Leiden: Brill, 2006 (Monographs of the Peshitta Institute Leiden, 15). XXIV, 412 p. ISBN 978–90–04–15658-6

Книга представляет собой сборник статей, представленных в виде докладов на третьем симпозиуме по изучению сирийской Библии (Пешитты) в 2001 г. Симпозиум был организован Институтом Пешитты, основной задачей которого с 50-х гг. XX в. является подготовка критического издания текста Пешитты Ветхого Завета. В связи с тем, что проект уже приближается к своему завершению (остались неизданными только несколько библейских книг), было начато новое направление деятельности Института, которое должно изучать рецепцию Пешитты в сирийской патристической и экзегетической литературе с целью как можно более точно представить исторический контекст бытования сирийской Библии.

Сборник открывается тремя программными статьями С. П. Брока, Л. ван Ромпая и В. Л. Петерсена.

С. П. Брок (S. P. Brock) в своей статье «The Use of the Syriac Versions in the Liturgy» (р. 3–25) делает обзор использования различных версий сирийской Библии в богослужебных текстах Церковей сирийской традиции. Автор начинает с описания развития системы богослужебных чтений (первоначально указания на чтение определенного места вносились в обычные библейские рукописи) и особо выделяет период VIII–IX вв., когда стали впервые появляться лекционари в собственном смысле слова. Затем автор раскрывает библейское происхождение некоторых литургических терминов (ܪܘܫܝ ܪܘܫܝ *rūšmā* — «печатать», ܪܗܝܦ *rahḥep* — «парить», ܐܓܝܢ *aggen* — «осенять»), демонстрирует использование различных версий сирийской Библии (в частности, из Диатессарона) в литургических текстах и в заключение делает важное замечание для исследователей библейского текста касательно того, что цитаты из Библии (не говоря о многочисленных аллюзиях),

встречающиеся в литургических текстах, могут представлять собой результат сознательного видоизменения с целью их встраивания в общий повествовательный и богословский контекст.

Исследование Л. ван Ромпая (L. van Rompay) «Between the School and the Monk's Cell: The Syriac Old Testament Commentary Tradition» (р. 27–51) показывает специфику использования библейского материала в сирийских экзегетических сочинениях. Автором делается акцент на неперменной и первоочередной необходимости понимания особенности подхода каждого автора к использованию текста Библии и тех задач, которые он ставил перед собой, составляя комментарий, до изучения самого библейского текста фрагментов. Сохранившиеся же сирийские толкования действительно содержат много ценного материала для библеистов. Так, «Толкования на Бытие и Исход» прп. Ефрема Сирина дают возможность лучше узнать раннюю историю ветхозаветной Пешитты, тогда как многочисленные толкования VIII–X вв. могут быть использованы для изучения сложного процесса появления *textus recertus* ветхозаветной Пешитты. Вторая часть статьи посвящена обзору основных тенденций и характерных особенностей развития восточно- и западносирийских экзегетических традиций в общем и применительно к использованию различных версий Библии в частности. Заключает работу список сирийских экзегетических трактатов (по большей части неизданных) с IV по XIV век.

Статья В. Л. Петерсена (W. L. Petersen) «Problems in the Syriac New Testament and How Syrian Exegetes Solved Them» (р. 53–74) содержит сжатое описание истории версий Пешитты Нового Завета с указанием их важности для изучения текстологии Нового Завета, а также варианты истолкования трех проблемных мест Нового Завета с выявлением особенностей сирийской экзегетической традиции (таких, как допустимость нескольких вариантов толкования, а также влияние уровня догматического богословия данного периода).

За тремя программными статьями следуют исследования, посвященные более частным вопросам.

А. П. Хейман (A. P. Hayman) в «The Biblical Text in the Disputation of Sergius the Stylite against a Jew» (р. 77–86) выявляет характер библейского текста, присутствующего в трактате VIII в. «Диспут Сер-

гия Столпника», представляющего собой диалог между столпником и раввином. Как и следует ожидать в подобного рода апологетических сочинениях, значительное место уделяется обсуждению интерпретации определенных мест Ветхого Завета в иудаизме и христианстве. Около 300 цитат из Ветхого Завета исследователь разделяет на четыре группы: 1) строгие; 2) измененные по тому образцу, в котором они встречаются в Новом Завете; 3) по памяти; 4) серия аграф, происходящих из несохранившегося произведения, представлявшего жизнеописание Христа в виде ветхозаветных цитат. На основе анализа цитат выделяются следующие группы: 1) воспроизводящие ранний текст сирийского Ветхого Завета (V–VII вв.), что подтверждается имеющимися библейскими рукописями; 2) также воспроизводящие ранний текст, но для которых подтверждение рукописной традиции отсутствует; 3) отличающиеся от *textus receptus* (эта группа цитат дает возможность более точно датировать памятник); 4) представляющие поздний текст Ветхого Завета; 5) отражающие влияние богословия на текст Пешитты.

К. Хил (K. Heal) в «*Reworking the Biblical text in the Dramatic Dialogue Poems on the Old Testament Patriarch Joseph*» (р. 87–98) знакомит с интерпретацией истории ветхозаветного патриарха Иосифа в многочисленных так называемых «диалогических поэмах» (преимущественно V–VI вв.). Большое количество параллелей с иудейской традицией толкования данного библейского сюжета ни в коей мере не отменяет оригинальности сирийских авторов, «поэмы» которых можно использовать для изучения истории сирийской экзегетической традиции.

Й. Йуустен (J. Joosten) в «*The Old Testament in the New. The Syriac Versions of the New Testament as a Witness to the Text of the Old Testament Peshitta*» (р. 99–106) представляет значение версий сирийского Нового Завета для изучения истории Пешитты Ветхого Завета и ее рецепции. Так, например, Диатессарон является самым ранним примером использования сирийского перевода Ветхого Завета (что также служит дополнительным аргументом в пользу признания сирийского языка как оригинального языка Диатессарона). Многообразное влияние ветхозаветной Пешитты на версии Нового Завета (проявляющееся в характере цитат, аллюзий, а также лексиконе) еще предстоит изучить.

А. Юкель (A. Juckel) в «The 'Syriac Masora' and the New Testament Peshitta» (р. 107–121) представляет значение «сирийской масоры» (сборник VIII–IX вв., содержащий разнообразный филологический материал и остающийся до настоящего времени неизданным) для истории Пешитты, поскольку именно благодаря деятельности сирийских масоретов орфография и произношение были стандартизованы, а сам текст Пешитты разделен на восточную и западную текстуальные традиции. Автором особо подчеркивается важность изучения «сирийской масоры» в связи с решением вопросов относительно принципов подготовки критических изданий Пешитты.

А. ван дер Коо (A. van der Kooy) в «The Four Kingdoms in Peshitta Daniel 7 in the Light of the Early History of Interpretation» (р. 123–129) обсуждает глоссы к Дан. 7, 3–8 в Пешитте (в соответствии с которыми четыре зверя отождествляются с царствами вавилонян, мидийцев, персов и греков соответственно, рог же представляет собой Антиоха), встречающиеся уже в ранних рукописях. Задаваясь вопросом об их происхождении, автор кратко рассматривает раннехристианские варианты толкования данного места и приходит к выводу, что данные глоссы не сопровождали библейский текст изначально, но были добавлены в период IV–VI вв., неся в себе интерпретацию, которая была присуща раннесирийской экзегетической традиции (аналогичное толкование встречается, например, у Афраата).

М. Д. Костер (M. D. Koster) в «Aphrahat's Use of His Old Testament» (р. 131–141) в сжатой форме рассматривает особенности подхода к библейскому тексту у Афраата (ок. 275–343 гг.) и выделяет следующие черты: 1) Библия является для Афраата основным источником информации и аргументации; 2) Афраат пользуется библейским текстом достаточно вольно, допуская внесения изменений в цитаты и соединения нескольких цитат в одну (что затрудняет использование его сочинения библеистами); 3) его рассуждениям присущи весьма длинные ряды типологических параллелей; 4) Афраат всегда понимает Ветхий Завет в конкретном, историческом смысле, однако следствием его типологического метода является «возвышение, спиритуализация» ветхозаветных реалий (то, что в Ветхом Завете было дано израильскому народу, передается Христом язычникам).

Статья Д. Дж. Лейн (D. J. Lane) «There is No Need of Turtle-Doves or Young Pigeons...» (Jacob of Sarug). Quotations and Non-quotations of Leviticus in Selected Syriac Writers» (р. 143—158) имеет методологический характер. Рассматривая использование разными сирийскими авторами текста книги Левит, автор постулирует следующие принципы изучения библейского текста цитат: 1) «непринятие во внимание цели и подхода автора отменяет значение использования цитат этого автора как свидетельство определенного чтения или вида текста»; 2) «особенность цитируемого библейского текста влияет на его выбор и обращение с ним». Автор отмечает, что одним из следствий применения этих принципов является констатация того факта, что вольное обращение с библейским текстом может быть лишь в исключительном случае признано результатом невнимательного цитирования по памяти, более же правильно рассматривать этот феномен как сознательное решение автора, которое обусловлено общей канвой повествования его произведения.

К. Ланге (Ch. Lange) в «Ephrem, His School, and the Yawnaya: Some Remarks on the Early Syriac Versions of the New Testament» (р. 159—175) на материале экзегетических сочинений, приписываемых прп. Ефрему Сирину, затрагивает целый комплекс сложных вопросов, связанных с древнесирийскими переводами Нового Завета (Vetus Syra) и генезисом новозаветной Пешитты. Критически рассматривая аутентичность сохранившихся текстов прп. Ефрема, автор, вслед за установившимся в науке мнением, не считает возможным признать «Толкование на Диатессарон» подлинным произведением прп. Ефрема; более вероятно, что текст был составлен учениками немного позже кончины прп. Ефрема (с обильным привлечением экзегетического материала последнего). Сравнивая библейские цитаты в «Опровержении к Ипатию» (принадлежность которого прп. Ефрему не подвергается сомнению) с теми цитатами, на которые «Толкование на Диатессарон» ссылается как на «греческую Библию», автор делает вывод, что сам прп. Ефрем был знаком лишь с древнесирийской редакцией Нового Завета, тогда как составители «Толкования на Диатессарон» знали не только древнесирийскую версию, но также зафиксировали в тексте памятника так называемую «пре-Пешитту» (этап развития сирийского Нового Завета между древнесирийской редакцией и Пешиттой). В заключение ав-

тор указывает на необходимость изучения вопроса о том, в какой мере ученики прп. Ефрема были вовлечены в работу над переводом (или редактированием) сирийского Нового Завета, ставшим впоследствии известным как Пешитта.

Дж. А. Лэнд (J. A. Lund) в «Isho'dad's Knowledge of Hebrew as Evidenced from his Treatment of Peshitta Ezekiel» (р. 177–186) задается вопросом о том, в какой мере восточносирийский экзегетический автор IX в.¹ владел знанием древнееврейского языка. Разбирая несколько мест в толковании на книгу Иезекииля, исследователь делает вывод, что в том случае, когда Ишо`дад отсылает к еврейской Библии, он опирается на доступные ему сведения об отдельных еврейских словах или чтениях, которые были почерпнуты из вторичных источников, но никоим образом не из оригинального еврейского текста Библии.

К. Е. Моррисон (C. E. Morrison) в «The Text of the New Testament in the Acts of Judas Thomas» (р. 187–205) делает предварительное наблюдение о той редакции сирийского Нового Завета, которая используется в «Деяниях Иуды Фомы» (считается, что памятник был написан по-сирийски в III в.). Сравнивая чтения Мф. 6, 30 и Мф. 6, 12 с имеющимися сирийскими редакциями, а также различными восточными и западными версиями Диатессарона, автор делает осторожное заключение, что данные цитаты не связаны с Диатессароном, но, скорее, более близки древнесирийскому переводу Нового Завета.

Ш. Муто (Sh. Muto) в «Interpretation in the Greek Antiochenes and the Syriac Fathers» (р. 207–222), констатируя, что одна из важнейших проблем изучения сирийской экзегетической традиции состоит в изучении ее взаимоотношения с антиохийским методом толкования Священного Писания, предпринимает небольшой экскурс в ранние греческие и сирийские экзегетические сочинения с тем, чтобы проследить понимание экзегезы Священного Писания (ἐρμηνεία / ἑρμηνεία — *pūššāqā / tūrgāmā*) в обеих традициях и тем самым наметить их характерные

¹ Издания толкований Ишо`дада на Ветхий и Новый Завет: The commentaries of Isho'dad of Merv, bishop of Hadatha (c. 850 A. D.) in Syriac and English, 5 vols. / Ed. and tr. by Margaret Dunlop Gibson. Cambridge, 1911–1916; Commentaire d'Išo'dadh de Merv sur l'Ancien Testament / Éd. par C. van den Eynde. Louvain, 1950–1981 (CSCO 126, 156, 176, 179, 229–230, 303–304, 328–329, 433–434. Scriptorum Syri 67, 75, 80–81, 96–97, 128–129, 146–147, 185–186).

черты. На примере сочинений свт. Иоанна Златоуста и прп. Ефрема Сирина автор демонстрирует, что раннесирийская экзегетическая традиция ни в коем случае не может быть отождествлена с антиохийским методом прежде всего по причине признания сирийской традицией допустимости множественности истинных вариантов толкования Священного Писания (тогда как представители антиохийского метода более склонны учить единственно верному), а также ее ориентации на читателя и понимание им смысла Священного Писания (антиохийский же метод более заинтересован в выявлении смысла, заложенного в текст его создателем).

Р. Дж. Оуенс (R. J. Owens) в «The Book of Proverbs in Aphrahat's Demonstrations» (р. 223–241) анализирует цитаты из Притч в корпусе Афрата и, не соглашаясь с утверждением Д. Лэйна (см. выше), считает оправданным и важным привлечение библейских цитат из сирийских патристических сочинений для изучения истории библейского текста. Автор показывает, что у Афрата, в зависимости от конкретных целей, встречаются и точные, и весьма отличные от стандартного текста цитаты (последние рассматривались ранее А. Баумштарком и А. Выбусом как свидетельства несохранившейся сирийской редакции ветхозаветного текста); в целом, ветхозаветные цитаты у Афрата соответствуют тому этапу в истории ветхозаветной Пешитты, когда она стала приобретать «стилистические и разъяснительные дополнения», будучи в первоначальном своем виде путем дословной передачи максимально приближенной к еврейскому тексту.

В. ван Пойрсен (W. van Peursen) в «Sirach Quotations in the Discourses of Philoxenus of Mabbug: Text and Context» (р. 243–258) анализирует цитаты из книги Сирах в сочинениях западносирийского автора Филоксена Маббугского († 524) с целью проверки существующей гипотезы, в соответствии с которой Филоксен был инициатором не только ревизии Нового Завета (так называемая «филоксеновская редакция»), но также, по крайней мере, нескольких книг Ветхого Завета. И действительно, анализ показывает, что цитаты из Сираха значительно отличны от Пешитты и в некоторых случаях сближаются с Септуагинтой. Однако сделать на этом основании вывод о действительном существовании отредактированного текста Ветхого Завета не представляется

возможным, пока не будет предпринят полномасштабный анализ цитат и из других библейских книг в сочинениях Филоксена.

Д. Филипс (D. Phillips) «The Reception of Peshitta Chronicles: Some Elements for Investigation» (р. 259–295) на широком круге привлеченного материала (рукописная традиция, цитаты в патристических текстах, суждения древних восточносирийских богословов о каноничности данных библейских книг) рассматривает рецепцию 3-й и 4-й книг Паралипоменон в сирийской традиции. Автор убедительно показывает, что доминирующая точка зрения среди исследователей о том, что книги Паралипоменон были исключены из библейского канона Церкви Востока, находится в прямой зависимости от оценочных суждений богословов (прежде всего, Феодора Мопсуэстийского), тогда как собранные исследователем данные свидетельствуют об обратном.

Б. тер Хаар Ромени (B. ter Haar Romeny) в «The Greek vs. the Peshitta in a West Syrian Exegetical Collection» (р. 297–310) кратко рассматривает отношение к греческой Библии в сирийской традиции. Если в сирийских переводах Нового Завета IV–V вв. можно наблюдать замену ветхозаветных цитат на соответствующие места из Пешитты Ветхого Завета (т. е. перевода еврейской Библии), то уже к VII в. был усвоен идеал «зеркального» перевода, следствием чего стало использование Сиро-гекзапл (т. е. перевода Септуагинты) при переводе или редактировании греческих текстов. Так называемая «лондонская коллекция» (экзегетическая антология VII в.) как раз является ранним свидетелем того явления, когда при повсеместном использовании Пешитты стали постепенно привлекаться и Сиро-гекзаплы.

Х. Ф. ван Роой (H. F. van Rooy) в «The Peshitta and Biblical Quotations in the Longer Syriac Version of the Commentary of Athanasius on the Psalms (BL Add. 14568)» (р. 311–325) анализирует текст двух псалмов (24, 103) в составе «Толкования на Псалтирь» свт. Афанасия Александрийского (сирийский перевод содержится в рукописи 597 г.) и показывает, что их текст отличается и от Пешитты, и от Сиро-гекзапл; автор допускает, что обнаруженные данные указывают на возможность существования «прото-гекзапларного» текста (который, в свою очередь, может быть тождественен с гипотетической филоксеновской редакцией Псалтири, о которой см. выше).

С. Д. Райн (S. D. Ryan) в «The Reception of the Peshitta Psalter in Bar Salibi's Commentary on the Psalms» (р. 327–338) предпринимает попытку разрешения вопроса касательно дифференцированного использования западносирийским богословом Дионисием бар Салиби († 1171) Пешитты и Сиро-гекзапл в его толковании на Ветхий Завет на примере толкования Псалтири. Сочинение Дионисия состоит из двух параллельных столбцов, один из которых содержит фактическое толкование (для него используется Пешитта), а второй — духовное (с использованием Сиро-гекзапл). Автор демонстрирует, что нет оснований утверждать, что Пешитта рассматривалась Дионисием как уступающая по своему значению греческой Библии (что противоречило бы также тому исключительному значению, которое имела Псалтирь для сирийских христиан, которые многие столетия читали ее в редакции Пешитты). Скорее, предполагает автор, оба текста были в равной мере важны для Дионисия, выбор же той или иной версии в определенном месте комментария зависел от особенностей используемых источников (греческих и сирийских экзегетических трактатов). Исследователь заключает, что более точно понять принцип использования Пешитты и Сиро-гекзапл можно будет через внимательное изучение источников, использовавшихся Дионисием.

А. Сальвесен (A. Salvesen) в «Obscure Words in the Peshitta of Samuel, according to Theodore bar Koni» (р. 339–349) рассматривает, каким образом восточносирийский автор Феодор бар Кони (VIII в.) в своей книге «Схолий» объяснял редкие и непонятные слова, встречающиеся в 1-й и 2-й книгах Царств, что, по мнению автора, напоминает о том, что чтение Библии зачастую представляло значительные трудности для сирийских читателей.

А. Шемункашо (A. Shemunkasho) в «New Testament Quotations in the Breviary of the Syrian Orthodox Church» (р. 351–363) анализирует ветхозаветный текст стандартного западносирийского Бrevиария и показывает, что библейский текст преимущественно зависит от Пешитты, однако текст Сиро-гекзапл также присутствует. Помимо этого, встречаются тексты, сочетающие элементы разных редакций.

Д. Г. К. Тэйлор (D. G. K. Taylor) в «The Psalm Heading in the West Syrian Tradition» (р. 365–378) знакомит с многообразием надписаний

псалмов в западносирийских рукописях Псалтири. Автор указывает на существование восьми различных типов надписаний, точное происхождение которых и взаимосвязь друг с другом еще предстоит установить, но уже сейчас можно утверждать, что на их формирование оказали влияние экзегетические сочинения Даниила Салахского (VI в.), Феодора Мопсуэстийского и Евсевия Кесарийского.

Б. Варпече (B. Varghese) в «Peshitta New Testament Quotations in the West Syrian Anaphoras: Some General Observations» (р. 379–389) указывает на важность изучения библеистами западносирийских анафор (которых сохранилось около 80) и знакомит с результатами предварительного анализа проблемы. Цитаты из Библии в анафорах преимущественно следуют библейскому тексту в сирийской версии Литургии апостола Иакова, тогда как влияние Пешитты было весьма ограниченным.

Заключая обзор статей, нельзя не констатировать, что вошедшие в сборник работы весьма убедительно показывают важность патристической, экзегетической и литургической литературы для изучения сирийской Библии. И даже если цитаты, встречающиеся в подобных текстах, не всегда точны (что затрудняет их использование, например, при подготовке критического издания определенной библейской книги), но каждый текст может быть по праву признан уникальным свидетелем текста сирийской Библии данного периода. Помимо этого, в исключительных случаях произведения сирийской литературы дают возможность познакомиться с такой редакцией текста сирийской Библии, которая непосредственно в библейских рукописях до сегодняшнего дня не сохранилась. Изучение памятников сирийской письменности дает исследователю представление о развитии отношения сирийских христиан к библейскому тексту (вследствие чего появляются многочисленные редакции как Ветхого, так и Нового Завета, характерные для сирийской традиции), а также об особенностях сирийских герменевтического и экзегетического методов.

Книгу сопровождают индексы источников (библейских, патристических и литургических) и современных авторов.

Г. М. Кессель